

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

Любовь тоже может быть разрушительной

Екатерина Островская — автор уникальный. Когда я читаю ее романы, у меня — читателя более чем искушенного — никогда не получается угадывать!.. Я не знаю, что будет на следующей странице, и всегда предвкушаю интересный и необыкновенный финал. В этот раз он особенно удался!

Островская — так же, как некогда Гоголь препарировал своих героев, — разбирает наши с вами страхи и заблуждения. С целеустремленной дотошностью энтомолога, засушившего тысячи редких бабочек, она собирает и вкладывает в свои книги наши типичные и немного карикатурные суеверия об окружающих нас ужасах, почерпнутых в основном из выпусков новостей.

Островская аккуратно ухватывает каждый такой образчик тонкими блестящими хирургическими щипцами и показывает на свет, позволяя как следует разглядеть того или иного злодея, мздоимца, маньяка, изменщика, и будто бы спрашивает: «Ну неужели вы верите, что они правят балом здесь и сейчас?»

И мы — ее благодарные читатели, — успокоенные увиденным, хором отвечаем: «Ну, конечно же, нет!»

На самом деле сегодня — и всегда! — миром правят благородные и сильные, способные пойти наперекор самым страшным обстоятельствам.

Такие, как капитан полиции Вера Бережная и ее друг, бесстрашный частный детектив Владимир Назаров — герои нового романа Екатерины Островской «Я стану ночным кошмаром». Встретившись случайно, они расследуют череду зверских убийств, на первый взгляд никак не связанных между собой. Понятно, что они все-таки связаны — злодеем, обрекшим их на гибель, — но должно быть что-то еще. Или кто-то еще, и этот «кто-то» все время ускользает от пристального внимания наших героев.

В конце концов обнаруживается самое страшное: все жертвы объединены не только убийцей, но и... Верой. Они все когда-то были с нею знакомы, и ей кажется: это именно она виновата в том, что случилось с ними...

Но на этот раз убийца очень жесток, хладнокровен и абсолютно беспощаден.

Хватит ли у Веры и Владимира сил, чтобы противостоять ему и разобраться в собственных чувствах? Ну, конечно же, хватит! Но путь будет исключительно тернист и труден — Екатерина Островская в этом непревзойденный мастер!

Любовь ведь тоже может быть разрушитель-

ной, и Вера испытывает это на собственном опыте, ибо пагубная страсть темного и коварного человека сопровождает ее повсюду, превращая ее жизнь в кошмар.

Однажды она, как принцесса из старинной сказки, проснется в замке, похищенная драконом. Здесь все не то, чем кажется: и даже громадный благоухающий розовый куст под окном ее спальни нужен лишь для того, чтобы прикрыть заостренные колья, лишая ее последней надежды на побег. Кажется, что выхода нет. Но принцесс всегда спасают рыцари в сияющих доспехах, сразив дракона в финальной схватке. Пусть рыцарь серьезно ранен и доспехи слегка помяты, но он все равно придет и спасет!..

Глава 1

Вера вошла в приемную и шагнула к двери кабинета Миклашевского. Молоденькая секретарша, разглядывавшая что-то на экране монитора, не повернув головы, бросила:

— Он сейчас занят.

Настенные часы показывали одну минуту одиннадцатого, а Веру начальник вызывал к десяти. Вообще-то она могла войти к Миклашевскому и просто так, прежняя секретарша знала об этом и никаких преград не создавала, а новая, по-видимому, еще не погрузилась с головой во все тайны управления, поэтому и не проявила к вошедшей никакого внимания. Но Вера уже стояла возле двери с табличкой. На столе секретарши запиликала компьютерная мелодия — пасьянс разложился. Девушка откинулась на спинку кожаного кресла, вздохнула удовлетворенно, после чего посмотрела на часы. Их стрелка продвинулась еще на одно деление.

Дверь в кабинете была прикрыта неплотно. Вера слышала, что Иван Севастьянович с кем-то беседует.

— Начальники приходят и уходят, — говорил он, — считай, каждый год новое руководство, а мы с тобой остаемся. Так что теперь, под любого дурака с генеральскими погонами подстраиваться, стиль работы менять? Помнишь, один такой ежедневно приказы издавал, типа: всем милиционерам купаться только в составе группы. Или: сотруднику ГУВД, имеющему в собственности иномарку, подать заявление об увольнении...

— Еще велел сотрудницам носить юбки не выше середины колена.

Это уже прозвучал другой голос, который показался Вере знакомым. Но с кем беседовал Миклашевский, она вспомнить не могла. Хотя голос был очень знакомым.

— Много хороших кадров мы тогда потеряли, — вздохнул Иван Севастьянович.

Секретарша поднялась из-за стола, подошла к стеллажу и стала на нем что-то искать. Хотя не столько на полку смотрела, сколько разглядывала Веру. От двери пришлось отступить, чтобы девица не подумала, будто Вера подслушивает чужие разговоры.

— У него полковник Горохов, — сообщила секретарша, возвращаясь на место с пустыми руками.

Похоже было, что она поднялась только для того, чтобы показать, какие у нее длинные ноги.

— Хорошая бабенка, — произнес в кабинете голос Горохова. — А как у нее с физической подготовкой?

— Неутомима, — ответил Иван Севастьянович. — Я на тренажере меньше потею.

Вера напряглась: о ком это говорят два сорокалетних полковника?

— А ты что, интерес к ней имеешь? — спросил Миклашевский.

Горохов осторожно покашлял.

— Ну, флаг тебе в руки, — рассмеялся Миклашевский, — мешать не буду.

— А муж у нее есть? — поинтересовался Горохов.

— Да нет, вроде как вдова, мужа ее в прошлом году грохнули. Правда, они уже и не жили вместе... Ты должен помнить тот случай. Известным человеком был — адвокат Бережной.

Вера почувствовала, как кровь прилила к лицу. В кабинете говорили о ней.

Перед государственными экзаменами на юрфаке появились люди в милицейской форме. Они расположились в выделенном им кабинете, куда сотрудницы ректората загоняли парней. Со студентами беседовали и предлагали распределиться по целевому назначению — в милицию, где их с распростертыми объятьями ждет светлое будущее. Почти все отказались, кроме тех, кто с самого начала решил сделать ментовскую карьеру. В основном, конечно, те, у кого отцы всю жизнь ходили в милицейской форме.

Или иногородние. Но принявших предложение все равно было немного.

Бережной, разумеется, отказался. Он вышел на лестничную площадку, где его ждала Вера, поцеловал ее, сообщил, что у него встреча в коллегии адвокатов на предмет трудоустройства, и побежал вниз. На середине лестницы остановился и крикнул Инне Цигаловой, стоявшей рядом с Верой:

— Сейчас Илью трясут. А тот головой кивает. Согласится, вероятно.

— Да пускай, — ответила Инна, — мне-то что.

Илья был ее мужем. Вообще-то Цигаловым был именно он, а Инна первые три курса носила фамилию, данную родителями, — Заморина. Поженились они сразу после свадьбы Бережного и Веры.

Инна приехала из провинции. Снимала маленькую квартирку, переполненную хозяйской рухлядью, и после окончания университета должна была вернуться в родной городок. Ее папа служил там председателем суда и рассчитывал на то, что дипломированная дочь продолжит семейную традицию. Но это судья Заморин думал, что его дочь должна, Инне же очень хотелось остаться в Питере. Так хотелось, что местные парни шарахались от нее. Ну, не совсем шарахались, конечно, да только больше месяца не выдерживали — потому что Инна после ближайшего знакомства начинала говорить о браке.

Илья не шарахнулся: он вообще оказался очень выдержанным.

Кстати, в милицию работать Цигалов не пошел, хотя и кивал на собеседовании. Илья начал трудиться в малоизвестной адвокатской конторе, а поскольку специализировался на кафедре хозяйственного права, то все дни пропадал в городском арбитражном суде. Инна устроилась юрисконсультантом в фирму, владеющую сетью универсамов, и не прошло и пяти лет, как стала там заместителем генерального директора по правовым вопросам...

Но тогда, стоя на лестничной площадке факультетской лестницы, она об этом не могла знать. Инна посмотрела, склонившись через перила, как спускается по лестнице Женя Бережной. Смотрела так пристально, что Вере показалось, будто ее подруга выбирает, на кого бы плюнуть сверху.

— И чего я за Женьку не вышла? — задумчиво произнесла Инна.

Потом посмотрела на Веру и рассмеялась.

На нее не получалось обижаться: Заморина была девушкой очень веселой. А вот Илья Цигалов улыбался редко, и становилось непонятно, как они общаются дома. Хотя никто из молодых супругов на семейную жизнь не жаловался. По коридорам факультета Инна с Ильей ходили под ручку.

Вера думала, что ей повезло. Замуж выходила вроде по любви, во всяком случае, так ей тогда

казалось. А может, оттого, что Женька был первым парнем в ее жизни, и она боялась его потерять: а вдруг потом никого не будет?

Бережные прожили вместе семь лет. Два года, пока учились, и пять лет после окончания университета. Евгений очень скоро стал популярным адвокатом. Занимался уголовными делами, часто выигрывал процессы, а если и не удавалось отстоять подзащитного, то добивался для него минимального срока или условного. Коллеги наверняка понимали, почему молодой юрист буквально нарасхват, и завидовали. Ну да, ведь не у каждого жена работает в следственном управлении и способна намекнуть родственникам подследственных о существовании в городе адвоката Бережного, чьи услуги, может, и стоят недешево, но зато результаты бесценны.

Разъехались они без скандалов и ссор, хотя и неожиданно для Веры. Евгений раз не пришел домой ночевать, другой. Говорил, что у него дела в области. Почти с месяц так «ночевал по области», а однажды собрал свои вещи и сказал Вере: «Прости, встретил другую женщину. Я люблю ее».

Простила Вера или нет, она и сама толком не поняла, однако задерживать и уговаривать мужа остаться не стала. Обидно было, конечно. Но не до страданий. К тому же у нее самой имелся постоянный любовник...

Это все будет позже. А тогда, на факультетской лестнице, Цигалова, видимо окончатель-

но решив не плевать в пролет, снова задумчиво произнесла:

— Если бы я хотела...

Но тут на площадку вышел моложавый милицейский подполковник. Высокий и крепкий. Он достал из кармана пачку сигарет и закурил.

— Вы читать умеете? — спросила его Инна и показала на табличку с надписью «Не курить».

Подполковник никак не отреагировал и уставился на Веру.

— Вы тоже оканчиваете в этом году? — спросил он, выпустив в сторону таблички облако табачного дыма.

Вера молча кивнула.

— Хотите распределиться в пресс-центр ГУВД? Работа не пыльная: давать интервью телеканалам о криминогенной обстановке, участвовать в передачах, в ток-шоу разных.

— Не знаю, — пожала плечами Вера, — я не думала об этом.

— Подумайте, — обронил подполковник.

Бросил окуроч в урну и хотел уйти, но остановился, достал из кармана визитку и протянул Вере.

— Думайте быстрее, — сказал он. — В пресс-центр срочно требуется симпатичная сотрудница, чтобы стать лицом ГУВД.

На визитке под золотым гербом России было напечатано: «Заместитель начальника следственного управления Миклашевский Иван Севастьянович».

Вера позвонила через два дня. Вообще-то не хотела, но муж уговорил.

Лицо городскому управлению внутренних дел уже не требовалось. Правда, это выяснилось уже при личной встрече с Миклашевским. Узнав об этом, Вера не расстроилась. А Иван Севастьянович предложил ей должность в своем отделе. И Вера, посоветовавшись с мужем, согласилась. Полгода ее обучали на курсах при Академии МВД всяким премудростям, а потом назначили следователем, после чего дела у адвоката Бережного резко пошли в гору.

Евгений был красивым мужчиной, причем без слащавости, и очень обаятельным. Он с серьезным и строгим лицом разговаривал с клиентами, запугивал их, а потом улыбался: «Не переживайте — все будет хорошо. Вы у меня не первый такой». Или: «Не первая». Улыбался так, что все ему верили безоговорочно. И адвокат не подводил. Так довольно быстро возникла и пошла гулять о нем людская молва как о человеке, способном решить любой вопрос с судом.

Кстати, новая женщина была старше Евгения на три года и возглавляла как раз один из районных судов. Жили они не вместе, потому что у нее имелась десятилетняя дочь от первого брака. К тому же и сам Бережной не спешил подавать на развод. Вера тоже не спешила, хотя понимала прекрасно, что Женька не вернется. И, вероятно, не хотела этого. Ее связь с Миклашевским продолжалась.

Иван Севастьянович (начальник уже стал полковником) заезжал к ней иногда после работы. На ночь оставался нечасто — раз в месяц или того реже. Со своей женой разводиться мужчина не собирался, а любил ли Веру — неизвестно. И вот сейчас, стоя в его предбаннике и случайно услышав голоса в кабинете, она поняла, что не любил. Ведь фактически уступил ее полковнику Горохову, который руководит в ГУВД воспитательной работой.

Бережной еще перед тем, как уйти от Веры, купил для себя квартиру в центре города. Квартира была большой и обставлена шикарной мебелью. Вера, правда, не бывала там ни разу. Это уже потом, когда Евгений погиб год назад, следователь Евдокимов, который прибыл туда по вызову, восторженно отзывался об обстановке. Жилплощадь могла бы перейти в собственность Веры, поскольку брак расторгнут не был, но Бережной предусмотрительно оформил покупку на свою мать.

Полицию вызвала секретарша Бережного, которая, не дозвонившись до босса, почему-то не явившегося в контору, поспешила к нему домой. Запасной комплект ключей от квартиры адвоката лежал в его рабочем столе. Девушка взяла связку, приехала, вошла внутрь и — потеряла сознание. Очнувшись, выскочила поскорее вон, подальше от страшного места, и только тог-

да набрала номер экстренного вызова. Прибывшие полицейские обнаружили ее в машине — бьющуюся в истерике.

Труп Бережного лежал на постели, прикованный наручниками к ажурным металлическим спинкам кровати. На теле обнаружили более сотни резаных и колотых ран. Эксперты позже сказали, что их наносил человек, обладающий познаниями в медицине, потому что раны были глубокими и не смертельными: все они причиняли боль и мучения. Скорее всего, адвокат медленно умирал от потери крови, а тот, кто нанес раны, вероятно, сидел рядом и наблюдал за его страданиями. Хотя следствие предположило, что убийц было несколько, ведь Евгений Евгеньевич был молодым и физически развитым человеком, а значит, не дал бы так просто скрутить и приковать себя к кровати.

Версий рассматривалось несколько. Основной, конечно, была та, что причиной убийства стала профессиональная деятельность известного юриста. Хотя верилось в это с трудом, потому что недовольных его защитой клиентов не было. А с другой стороны, по словам сожительницы Бережного, той самой женщины-судьи, из квартиры ничего ценного не пропало. А в ящике комода в спальне при осмотре обнаружили деньги в рублях и валюте на общую сумму более полусотни тысяч евро.

Вера тоже давала показания и тоже не могла понять, кто мог убить ее бывшего мужа. Для се-

бя она решила, что это месть за личные пристрастия Женьки — тот был охоч до женского пола. Если бы Вера сама занималась расследованием, то первым делом проверила бы секретаршу, а еще входящие и исходящие звонки на телефонах Бережного плюс записи в ежедневнике. Но дело вела не она. Следователь Евдокимов наверняка сделал все как надо, однако прошел год, а личность убийц до сих пор так и не установлена.

Когда следователь беседовал с Верой, ей пришлось сказать об измене мужа. И о том, что у нее не только не было ключей от квартиры Бережного, но и что они вообще не виделись с супругом более трех месяцев. Еще Вера заявила, что они с Евгением никогда не ревновали друг друга и скандалов на этой почве у них не было. А следователь поделился с Верой, как с коллегой, своими сомнениями. Он вполне резонно полагал, что посторонним людям Бережной вряд ли бы открыл дверь, следов же взлома обнаружить не удалось. Про судью, любовницу убитого адвоката, Евдокимов знал. Только это знание ничего не добавило следствию. Не подозревать же в жестоком убийстве женщину, которой государство гарантировало неприкосновенность и которая сама олицетворяет правосудие.

На похороны бывшего мужа Вера пошла и утешала бывшую свекровь. А вот судьи на кладбище не было.

Глава 2

Дверь кабинета отворилась, и в приемную вышел полковник Горохов. Вера постаралась отвернуться, чтобы не встретиться с ним взглядом, и почувствовала, как в ней закипает обида и злость. Самое противное, что, в подобных случаях и когда узнавала слухи о себе, она краснела.

— Меня никто не разыскивал? — поинтересовался Горохов у секретарши. — А то я предупредил, что буду у Миклашевского.

— Никто, — тряхнула прической девица.

— Ну, будем считать, что ничего страшного не случилось.

«Интересно, что могло случиться страшного в отделе воспитательной работы?» — усмехнулась про себя Вера.

— А ты чего такая розовенькая? — обратился к ней Горохов. — Такая вся румянькая...

«На себя посмотри!» — мысленно ответила Вера, а вслух произнесла:

— Душно здесь.

Горохов был рыжим и краснорожим. В Академии МВД, где он читал лекции, курсанты называли его поросенком.

— Прямо светишься вся, — продолжал «клетить» Веру полковник-воспитатель.

— Мне можно идти? — спросила она.

— Конечно, конечно, — улыбнулся Горохов. — У нас, надеюсь, еще будет время приятно пообщаться.

Вера вошла в кабинет Миклашевского и плотно прикрыла за собой дверь.

Иван Севастьянович даже не привстал со своего кресла. В своем кабинете он всегда разговаривал с ней как с остальными подчиненными, словно боялся, что его могут услышать посторонние. А вот в ее кабинете мог позволить себе иногда расслабиться, предварительно попросив Веру запереть дверь на ключ.

— Присаживайся, — кивнул полковник и указал на стул возле стола для заседаний.

Потом еще какое-то время рассматривал ее. Не улыбался, не подмигивал, как обычно, когда они оставались наедине.

— Ладно, — наконец выдал из себя Иван Севастьянович, — начну с самого главного. Ты вела дело студента Лиусского, которого с наркотой в клубе взяли?

— Вы же знаете.

— Ну да, — кивнул Миклашевский, — прокурор закрыл дело по твоему представлению. Только мать этого уродца написала письмо министру, мол, наркотики ее сыну подкинули полицейские, следствие велось недопустимыми методами, а потом следователь потребовала пять тысяч евро за закрытие дела.

— Чушь! Вы ведь в курсе, я освободила парня под подписку после того, как ко мне явился его отец и совал под нос удостоверение помощника депутата Госдумы. А дело закрыла, потому что уж очень многие просили.

Вера замолчала. Не напоминать же Ивану Севастьяновичу, что именно он и просил за студента. Говорил, что проще парня отпустить. А то как бы не вляпаться в неприятную ситуацию, поскольку Лиусский-старший является не только помощником депутата, но и активным членом одной из оппозиционных партий.

Миклашевский, естественно, помнил это. И сейчас вздохнул, перед тем как заговорить вновь.

— Министр приказал разобраться, найти виновных и примерно наказать. Меня и Горохова с утра вызывали на ковер, пытались... Как бы сказать помягче? — Полковник неопределенно хмыкнул. — Короче, приказано было начать служебное расследование, тебя отстранить от всех дел, а по окончании расследования уволить. Вот так, понимаешь ли, был поставлен вопрос.

— Но я...

Иван Севастьянович не дал ей договорить:

— Мы с Гороховым тебя отстаивали. Учти это. Особенно Горохов старался. Но все равно решено отстранить тебя от следственной работы и отправить в райотдел для перевоспитания. Вроде как поработаешь «на земле» и начнешь ценить свое место в управлении. Но это временно, не волнуйся, через годик верну тебя в твой кабинет. Потом раскроешь какое-нибудь громкое дело и, я обещаю, получишь майора досрочно. Но пока...

— А я могу обжаловать приказ и сама потре-

бовать служебного расследования? И еще хочу возбудить дело против гражданки Лиусской — о клевете.

Миклашевский покачал головой.

— Ничего ты не можешь, решение уже принято. Стерва-мамаша в своем письме сообщила, что ее сын лично передал следователю Бережной пять тысяч евро, которые та потребовала у него для закрытия дела. И, мол, теперь она, зная, что ее мальчик не причастен ни к какому преступлению, решила наказать жуликов и воров в погонах. Эта баба даже справку от врача принесла, что Лиусскому-младшему было выписано лекарство для усиления внимания, так как юноша страдал от переутомления в институте, а в состав препарата входит амфетамин.

— Министр разве не понимает, как это глупо звучит: следователь специально встречается с подследственным, отпущенным под подписку, вымогает у него деньги, зная, что у девятнадцатилетнего студента их нет? Если бы я действительно захотела получить «отступные», то уж, наверное, намекнула бы об этом его далеко не бедствующим родителям. Отец его, кстати, предлагал взятку, но я отказалась.

— Да министру плевать, права ты или нет, ему главное отчитаться, что он борется с оборотнями в погонах. Все сотрудники центрального аппарата министерства давно миллионеры, а он борется с теми, кто...

Миклашевский недоговорил. Наклонился и достал из-под стола бутылку коньяка.

— Хочешь рюмочку?

Вера покачала головой.

Иван Севастьянович подумал немного и убрал коньяк обратно.

— Ну, тогда и я не буду.

— Куда ж меня теперь? — спросила Вера.

— Переводим в твой район. Будешь рядом с домом работать. Зато время на дорогу тратить не придется. А то каждый день, почитай, два часа без малого уходило на метро да маршрутки. И потом...

Полковник недоговорил.

— Я могу идти?

Миклашевский кивнул.

Вера поднялась и направилась к двери.

— Так у тебя ж день рождения завтра! — вспомнил начальник. — Может, отметим это дело, а заодно о будущем твоём побеседуем? Вдвоём посидим, как в прошлом году. Ещё можно Горохова пригласить, он ведь тоже участие в твоей судьбе принял. Мы бы вдвоём поздравили тебя.

— В прошлом году я с подругой и её мужем день рождения отмечала, вы были в командировке. Так что и сейчас я сама как-нибудь, без Горохова...

Секретарша продолжала пялиться в монитор. Вера вышла из приемной и остановилась, словно не зная, куда идти.

— Привет! — сказал кто-то, проходя мимо.

Это был майор Евдокимов.

Вера не ответила, и следователь остановился.

— Говорят, тебя в райотдел переводят?

Она кивнула.

— С чего вдруг? — удивился майор. И перешел на шепот: — С Миклашевским поругались?

— Да пошли они все! — ответила Вера.

Противно, когда все про тебя знают больше, чем ты сама.

Резко развернувшись, она пошла по коридору, вспоминая то пресловутое дело.

Студента Лиусского взяли охранники ночного клуба. Они и вызвали полицию. Досмотр проводили в присутствии понятых. В карманах задержанного были обнаружены с полсотни таблеток экстази. Первый допрос проводил дежурный следователь из райотдела. А потом простое, в сущности, дело передали в городское управление. Вера и сама не могла понять почему. Но ей, разумеется, не объяснили.

Студент вел себя нагло. Сначала, как и дежурному следователю, он сообщил Вере, что экстази ему подбросили охранники клуба, которым не понравилось его лицо. Потом изменил показания, заявил, будто наркотики подбросили прибывшие полицейские, которые затем, по пути в райотдел, вымогали у него деньги и обещали отпустить.

Вера, перед которой уже лежал акт экспертизы, где было сказано, что в моче Артема Лисуцкого обнаружено значительное содержание амфетамина, спросила:

— Зачем охранникам и полицейским подбрасывать тебе товар, который денег стоит? Чем ты всем так насолил?

— Потому что все они — козлы, — был ответ.

Через двое суток Вера отпустила задержанного под подписку. А вскоре Миклашевский и вообще приказал ей закрыть дело, чтобы не связываться с депутатскими запросами и проверками. Теперь она же и оказалась виновата. А еще хуже, что непосредственный начальник и давний любовник в одном лице не сумел отстоять ее.

Она уже работала под его началом, когда это произошло. В День милиции, который руководство отмечало вместе с подчиненными в концертном зале, Миклашевский пригласил Веру на фуршет. Не одну, разумеется, с еще парочкой следователей — для отвода глаз. Потом предложил подвезти ее домой на своем служебном автомобиле. И в машине, не стесняясь присутствия водителя, заговорил о своих чувствах. Шутил при этом, и Вера тоже смеялась, думая, что на следующий день начальство протрезвеет и все забудется.

Поначалу казалось, что так и есть. Но через пару недель Иван Севастьянович в приказ-

ном порядке предложил ей разбавить мужскую компанию в ресторане — Миклашевский отмечал какое-то событие в кругу друзей. Было пятеро мужчин, в том числе и полковник Горохов. Но Горохов почти сразу ушел, а следом и остальные. В тот вечер Иван Севастьянович опять повез ее домой. И снова завел разговор о любви. Обнял ее, полез целоваться. Ну не бить же начальство по лицу, не царапать же ногтями лицо руководства?

— Я с первого взгляда, как тебя увидел, потерял голову, — шептал Миклашевский, задыхаясь от страсти.

Водитель делал вид, будто внимательно наблюдает за дорогой.

На следующий день Иван Севастьянович снова держал себя так, словно забыл о произошедшем накануне. Хотя ничего и не было, поцелуи, и только.

Накануне вечером она вбежала в квартиру, боясь, что Бережной посмотрит на нее и обо всем догадается. Но Евгения дома не было. Он появился лишь в два часа ночи, и от него сильно пахло шампанским. Перед тем как лечь в постель, в которой притворялась спящей Вера, муж долго плескался в душе, а потом осторожно, стараясь не разбудить жену, пробрался под одеяло и затих. Вера боялась, что Бережной сейчас обнимет ее, поцелует, а у нее не получится ему ответить, потому что незадолго до этого целовалась с Миклашевским. Но Женька

быстро заснул, и Вера лежала, думая о том, какая она плохая жена.

Миклашевский не то чтобы не нравился ей. Как раз наоборот. Полковник высок и плечист, один из тех мужчин, на которых заглядываются женщины, чувствуя в них силу и уверенность. Он и был сильный и уверенный в себе мужчина. И внимательный руководитель — никогда не орал на подчиненных, не унижал. По крайней мере, при Вере. Но Вера не любила его. А потому, уже засыпая, подумала, что завтра с утра, а может, не с утра, но в течение дня обязательно увидится с Иваном Севастьяновичем и объяснит ему, что замужем, что любит мужа и не собирается обманывать его. Так она решила и сразу заснула. Хотя нет, не сразу, потому что еще успела вспомнить: а ведь мужа-то тоже не любит. И, кстати, стоило спросить Женьку, где и с кем тот пил шампанское до двух ночи, отключив мобильный телефон.

Утром, конечно, Вера не встретила с Миклашевским. Вообще не видела его ни в этот день, ни на следующий. Когда наконец столкнулась с полковником в столовой управления, просто кивнула. А перед Новым годом случилось то, что должно было случиться.

Наступление праздника отмечали всем коллективом в ресторане. Иван Севастьянович танцевал с Верой. И не только с ней, опять, для конспирации, приглашал других сотрудниц. Но во время очередного танца шепнул ей, что-

бы никуда после банкета не исчезала, потому что опять доведет ее домой и сдаст на руки мужу.

— Меня не придется нести на руках, я не напиваюсь никогда, — шутливо ответила Вера. Потом зачем-то добавила: — И потом, мужа нет дома, уехал на все праздники в Москву, где у него какое-то дело.

Насчет своей стойкости к алкоголю она про считалась, и то, что случилось позже, произошло как бы вне ее сознания. Нет, она все осознала и не забыла потом ничего, но уж как-то естественно это случилось. Причем у нее дома. Иван Севастьянович дышал хрипло и громко, хлопал ее ладонями по бедрам и ягодицам, сам вздрагивал при этом, словно хлестали его, задыхался и сжимал в кулаках ее волосы. Вера задыхалась тоже, спеша куда-то, и не понимала, нравится ей то, что с ней делают сейчас, или нет. Муж был осторожным, ласковым в постели, а полковник Миклашевский грубым и властным. Потом он уснул на спине, не прикрыв наготы.

Вера поднялась с кровати и направилась на кухню. Открыла холодильник и достала бутылку шампанского. Открыла вино, наполнила бокал и начала размышлять. Конечно, то, что она сделала, очень плохо по отношению к мужу. Однако, с другой стороны, разве у нее есть уверенность, что Евгений не бегаёт налево? Уверенности не было. И все-таки до сих пор Вера считала, что сама-то не сможет изменить мужу, потому что тогда перестанет себя уважать. Но вот же,

изменила, и уважение к себе никуда не делось. То есть где-то в глубине царапала мысль, что не стоило этого делать с начальником, но если подумать, то чего уж там, случилось и случилось. Может быть, и не повторится больше. А раз так, то надо забыть обо всем, в том числе и об угрызениях совести. Совесть просыпается, когда винишь себя в чем-нибудь, совершенном по отношению к человеку, который не заслужил измены или подлости. Но если муж изменял, то, значит, к нему вернулось то, что он делал по отношению к ней.

Вера сделала глоток шампанского, скривилась и отставила бокал. Ладно, потом выпьет, позже, и вино уже не будет казаться отвратительным и горьким. Ну, не предполагала она своих будущих измен, это ведь не означает, будто их не будет никогда. К тому же это был просто секс. Подумав так, Вера напряглась. «Надо же, я так спокойно разделяю секс и любовь. Выходит, никогда не любила Бережного, и все, что происходило между нами в постели, было без любви. А раз так, то чем нынешняя ночь отличается от всех предыдущих? Только тем, что у меня есть штамп в паспорте. Чего ради я должна быть верной женой человека, которого не любила и не люблю? Да, мы живем с ним — как двое друзей, как сокурсники, которые сошлись во время учебы. Но то время прошло, и эти два человека уже ничего не могут дать друг другу, но продолжают жить вместе, обманывая себя и весь мир».

В коридоре прошлепали босые ступни. На пороге кухни появился голый мускулистый Миклашевский. Пригладил ладонью взъерошенные волосы.

— А чего это ты одна? Мне тоже шампусика плесни.

Вера поднялась за вторым бокалом, несколько не стесняясь того, что на ней тоже нет никакой одежды.

— Если тебя мучает совесть, — неожиданно произнес Иван Севастьянович, — типа того, что мужу изменила, забудь. Все рано или поздно так делают. А те, кто не решился, жалеют потом. Хотя, может, и не жалеют, но жизнь у них все равно пресная. И потом, кто может судить другого? Только тот, кто сам без греха.

Он опустил за стол, взял бокал, залпом выпил. Вытер губы тыльной стороной ладони и сказал:

— Время разбрасывать камни и время собирать камни. Время любить и время ненавидеть, время жить и время умирать.

— Вы это к чему? — не поняла Вера.

— Во-первых, не «вы», а «ты» — за пределами управления, естественно. А во-вторых, мы сами отвечаем за поступки, которые совершаем. А потому бóльшим преступлением будет, если мы отбросим в сторону, словно камень, то, что нам сейчас необходимо, а потом отправимся собирать камни и не найдем ни одного.

Что именно хотел сказать Миклашевский,

тогда Вера не поняла. Вероятно, имел в виду что-то личное. У него ведь была семья, дочь и жена, школьная учительница.

Вероятно, он любил Веру в тот момент, когда произносил слова про камни. А возможно, его накрыла страсть. Но все равно закончилось это подлостью.

Когда Иван Севастьянович охладел к ней, Вера не помнила уже. Они продолжали встречаться, но их встречи стали походять на обязательные ночные дежурства. Миклашевский повторял одни и те же фразы о любви и в постели делал одно и то же, с той же выученной когда-то показной страстью.

Глава 3

Того, что ей предложат стать участковым инспектором, Вера не могла и предположить. Но начальник районного управления объяснил, что другой должности для нее нет — таково распоряжение кадровика. К тому же, по мнению нового начальника, Вере необходимо общение с простыми людьми, чтобы узнать их жизнь, чаяния и настроения. Судя по всему, ему доложили об отношениях между Бережной и ее прежним начальником.

Участок, который достался Вере, был не совсем уж незнакомым. Здесь находился ее дом, так что некоторых людей из проживающих здесь тысяч она знала. Многие знали и ее, причем да-

же не догадываясь, что она служит в полиции. Теперь узнают, потому что надо будет постоянно носить форму, совершать обходы территории и общаться с жителями микрорайона.

Прежний участковый передал ей журналы приема граждан и заявлений. Показал альбомы с фотографиями проживающих на территории рецидивистов и людей, склонных к правонарушениям.

— Это мое «нау хоу», — сказал он. — Я в паспортном столе договорился, и мне все фотки тех, кто паспорта получает, передают.

— Ноу-хау, — поправила Вера.

— Да какая разница! — отмахнулся сорокалетний майор. — Главное, что фотки необходимы. Я, например, тщательно изучаю их. А потом иду по улице и знаю, кто мне навстречу попадается. Они, может быть, и не видели меня ни разу, а мне известно, что, скажем, Петр Петрович Петров, тридцати восьми лет, сменил за год три работы и спит с дамочкой из девяносто первой квартиры соседнего дома.

— Эти сведения вы тоже в паспортном столе получаете? — поинтересовалась Вера.

— Нет, конечно. У меня целая сеть информаторов. И все добровольно работают... то есть работали на меня. Кого-то прижму за дебош и обещаю посадить. Мол, могу завести дело об административном правонарушении, а могу и не заводить. Напекаю на такие свои возможности

и в обмен прошу информацию. Никто пока не отказал.

Участковый мог говорить что угодно, но Вера уже знала, за что майора сняли с должности. Шестнадцатилетняя школьница подала заявление о том, что ее задержал полицейский, привел в свое помещение и, угрожая отправить в вытрезвитель, сообщить родителям и по месту учебы, хотя она выпила всего одну баночку джина с тоником, вступил с ней в связь в противоестественной форме. Бредовое заявление в отделении приняли, но не зарегистрировали. А через пару недель заместитель начальника отдела, проезжая поздним вечером мимо дома, где находился кабинет участкового, вспомнил о нем и решил заглянуть, чтобы посмеяться вместе. Дверь оказалась не заперта, зам по уголовному розыску вошел и застал именно то, о чем писала в своем заявлении школьница. Правда, на сей раз участковому попалась проживающая без регистрации юная молдаванка, но это дела не меняло. Молдаванку выслали на родину, а майора решили перевести в другой район, где девушек-нелегалок, кстати, проживало еще больше.

В кабинете было грязно, на каждом из двух столов стояли консервные банки, наполненные окурками, а на нижней полке шкафа для документации прятался полиэтиленовый мешок с пустыми пивными и водочными бутылками. На стене рядом с портретом президента России висел приклеенный скотчем древний, пожел-

тевший от возраста, плакат — двое милиционеров ведут под руки небритого мужчину в ватнике и кепке. По всему изображению — огромным красным курсивом надпись «Моя милиция меня бережет!».

Участковый кинул взгляд на плакат, словно попрощался с ним, и произнес с облегчением:

— В уголовный розыск меня переводят. Наконец-то начальство вспомнило, что я начинал опером. А вам желаю удачи. Если захотите помыть здесь все, то швабры, ведра и все такое прочее в стенном шкафчике в прихожей. Только самой корячиться не надо, возьмите бомжиху какую-нибудь, они не отказываются. Пива пообещаете, любая из них языком весь пол вылизает.

— Сама управлюсь, — ответила Вера, которой общение с отставным участковым уже стало надоедать.

Майор собрался уходить, как вдруг на столе зазвонил телефон. Участковый замер, рассчитывая, что трубку снимет Вера, но она сделала вид, что изучает журнал регистрации обращений граждан. Пришлось ему возвращаться от порога и отвечать самому.

— Не, — сказал участковый в трубку, — это не ко мне. Теперь участок на другом работнике числится, вот вы ей и втолковывайте, пусть она по вашим вызовам мотается. Кто, кто... Не понял, что ли? Теперь здесь баба участковая.

Майор покосился на Веру и шепнул в трубку:

— То есть девушка.

Разговор был закончен.

Бывший хозяин кабинета потоптался немного, а потом сказал:

— На убийство вас вызывают. На соседней улице произошло. Через двор три минуты пешком. Надо обеспечить оцепление, соседей опросить и... Да чего мне вас учить, сами в курсе, что надо делать.

Убили мужчину, который поднимался по лестнице к своей квартире. Лестница была глухая, ею пользовались лишь те, кто жил на втором и третьем этажах. А все остальные жильцы, только когда ломался лифт.

Подойдя к дому, Вера увидела машину полиции. На крыльце курил следователь районного управления, которого она встречала прежде. Правда, не помнила его фамилию.

— О! — обрадовался знакомому лицу следователь. — А вы что здесь делаете?

Услышав, что Вера теперь местный участковый, не поверил:

— Да неужели? За что же это вас с небес, как говорится, и сразу в наше дерьмо?

Они поднимались вместе по лестнице, и следователь все не мог успокоиться:

— Я когда первый раз вас увидел на совещании следственных работников, помню, сильно удивился. Ну что может у нас делать такая гламурная девушка? Даже поинтересовался, кто вы такая.

— И что же вам ответили?

— Не помню уже точно, — вывернулся следователь. — Вроде что следователь из городского управления и по совместительству жена того самого адвоката, который всю нашу работу в судах псу под хвост пускает. Его не так давно грохнули, говорят.

— Это и в самом деле был мой муж, — призналась Вера.

— Тогда простите.

Следователь остановился и протянул руку.

— Моя фамилия Карасев. Честно говоря, даже не думал, что придется с вами вот так...

Вера ответила на рукопожатие и сказала, что в скором времени рассчитывает вернуться в управление.

Следователь снова пошагал вверх по лестнице и вдруг произнес, не оборачиваясь:

— Никогда не знаешь, что будет завтра. Думаешь, карьера, то да се, а с тобой что угодно могут сделать. Хотя какая у нас карьера — му-тотень одна!

Возле тела уже работали эксперты и фотограф.

Пятна крови были на ступенях лестницы и на стенах. Вера отвернулась. Спутник заметил это и предложил:

— Вы пойдите с народом пообщайтесь. Может, кто и видел чего.

Никто ничего не видел, как оказалось. То есть кто-то видел, как сосед подъехал на ма-

шине, оставил ее на дворовой парковке и направился к дому. Все. Незнакомых или подозрительных людей соседи не заметили. Машин посторонних тоже. И это было очень странно.

Убитый был ограблен. По крайней мере, в его карманах не обнаружили ни документов, ни денег. Ключа от машины тоже, хотя сама машина продолжала стоять во дворе.

Кто-то из опрошенных сообщил, где проживал погибший. Вера поднялась на нужный этаж, позвонила, подождала, прислушиваясь. Но внутри квартиры, судя по всему, никого не было.

И тут же отворилась соседняя дверь, на пороге появилась старуха. Вероятно, она давно уже наблюдала в глазок.

— Из милиции, что ли? — спросила она.

Вера кивнула. И тут же поправила:

— Из полиции.

— За соседом пришли?

— А есть за что его брать?

Бабка пожала плечами.

— Кто ж вас знает, что у вас на уме. Хорошие люди в полицаи не идут.

— А сосед ваш был хорошим человеком?

Старуха, доморощенная философиня, пропустив мимо ушей слово «был», снова пожала плечами и ответила на вопрос своим вопросом:

— А где вы сейчас видели хороших людей?

Потом вдруг опомнилась.

— С ним что-то случилось?

— Убили, — произнес подошедший Карасев.

Похоже, печальное известие не произвело на бабушку особого впечатления.

— Ничего такого про соседа не знаю, — тут же заявила она. — Скрытным был. И нервным. Когда из дому выходил и видел, что у подъезда дети курят или пиво пьют, всегда ругаться начинал. Лично присутствовала при этом неоднократно. Сам-то он не курил и не пил.

Бабулька вдруг задумалась, похоже, размышляла, стоит ли говорить, а потом все же выложила:

— Да он и не мужиком был, а... ну, как его... Простите, забыла, как по-научному сказать. Знаю, конечно, как это называется, только неприлично произносить.

— Ваш сосед был геем? — уточнил Карасев.

Старуха снова задумалась, словно такое слово слышала впервые.

— Не знаю, я другое имела в виду. К нему парни молоденькие приходили. Я через глазок видела. Прямо как девчонки — тоненькие, волосы длинные. Однажды зашла в лифт, а следом девица. Говорю ей: «Какой тебе нажимать?» А она отвечает: «Третий». Мне тоже на третий надо, но говорю ей: «Тебе-то, молоденькой, и пешком так невысоко подняться можно». — «Вот сама и ходи», — огрызнулась девчонка. А голос-то мужской! Я даже испугалась. Вам описать, как она... то есть как он выглядел?

Бабулька охотно согласилась быть понятой. Оказалось даже, что у нее есть ключи от кварти-

ры убитого — сосед оставил ей запасную связку на всякий случай, если вдруг свои потеряет и не сможет попасть домой. Почему так сделал, она не знала, вероятно, от того, что с другими жильцами на этаже даже не здоровался. Кстати, у других соседей есть дети. А в одной квартире никто не живет, то есть не жил...

Старушка все говорила и говорила, не могла остановиться.

Какое-то время ждали, пока закончат свою работу эксперты. От нечего делать Вера разговаривала со старой соседкой, слушая ту вполуха. Та ничего интересного больше не сообщила. Вскоре вся оперативно-следственная бригада собралась на площадке. Вере поручили найти еще одного понятого, и тут очень вовремя подошла кабина лифта, на площадку вышел молодой мужчина в спортивной куртке.

— Вы здесь проживаете? — обратилась к нему Вера.

— Снимаю квартиру, — кивнул тот. — И проживаю соответственно уже вторую неделю.

— Нам нужен понятой. Не откажетесь?

Сосед задумался на пару мгновений, а потом кивнул:

— Раз надо — значит надо.

В квартире не было ничего интересного. Обычная двушка. Такая же, как и у Веры, если не считать перепланировки, увеличившей

площадь санузла. Убитый, видимо, незадолго до смерти сделал ремонт — теперь в его ванной уместилось огромное джакузи с двумя подголовниками, двумя откидными сиденьями и двумя душевыми стойками. А на одной из стен спальни вместо обоев был огромный постер с репродукцией картины Петрова-Водкина «Купание красного коня».

Старуха-соседка, глянув на голого мальчика, сидящего на лошади, плюнула в сторону:

— Знала бы я, что с таким гадом рядом живу, сама б его задушила.

Вера стояла и не знала, что ей делать. Она впервые прибыла на место преступления как лицо постороннее, не участвующее в оперативно-следственных мероприятиях. Правда, иногда Карасев, словно проверяя правильность своих действий, обращивался к ней и произносил что-нибудь, например:

— Личность убитого установлена... сейчас надо бы узнать о наличии родственников у потерпевшего...

— Постарайтесь выяснить, приватизирована ли квартира и кто наследует ее после смерти владельца, — подсказала Вера.

Стоявший невдалеке от нее сосед, согласившийся стать понятым, удивленно наблюдал за этим, а потом не выдержал и спросил:

— Почему они докладывают вам, словно отчитываются перед начальством? Ведь вы простой участковый инспектор.

— До вчерашнего дня я работала в городском следственном управлении, — пояснила Вера. И поинтересовалась на всякий случай: — А вы кем трудитесь?

— Я частный детектив, — ответил мужчина, снимающий квартиру.

К своему дому Вера подошла в десятом часу вечера. Конечно, случались дни, когда она возвращалась еще позже, но сегодняшний оказался особенно тяжелым — может, оттого, что был первым на ее новом пути, а может, потому, что пришлось много ходить. А скорее всего, на нее так подействовали ложное обвинение и незаслуженное увольнение. Она лишилась не только привычной работы, но и своего кабинета, который уже считала вторым своим домом — там было знакомо все и все казалось родным: и запах, и вид из окна, и скрип стула, и каждая пылинка на полке со служебной литературой. Хотя пыли особой никогда и не было вроде — Вера следила за этим.

У подъезда стояли несколько подростков лет четырнадцати, и среди них парочка девочек. Все пили пиво. Подойдя к ним, Вера сказала:

— Ребята, расходитесь по домам, время позднее.

— Сейчас, — ответил кто-то.

Вера подошла к двери и услышала за спиной:

— Что за тетка?

— Да хрен ее знает, — ответил детский голос. — Форму нацепила и думает, что может командовать.

Почтовый ящик был забит рекламными буклетами и флаерами. Вера достала эту макулатуру и хотела уже выбросить в картонную коробку, приспособленную жильцами именно для этой цели, но, проведя пальцами по дну ящика, нащупала там еще что-то. Это оказалась связка ключей. Вернее, на кольце висели два ключа и круглый брелок с изображением Сизифа, толкающего в гору камень. Вера внимательно рассмотрела брелок, открыла и вынула батарейку. Потом вставила обратно. Когда-то такой же был у Бережного. Связку ключей не надо было искать по всему дому, достаточно было негромко свистнуть, и брелок отзывался мелодией.

Вера зашла в лифт, нажала кнопку своего этажа и едва слышно присвистнула. Брелок начал пикиать мелодию из «Крестного отца».

Глава 4

Когда-то Вера вела дневник. Начала описывать происходящее с ней еще в детстве, но потом забросила это дело. А в восьмом классе снова решила записывать свои мысли и ощущения. Разумеется, не каждый день, а лишь когда ей в голову приходило нечто умное, значительное, похожее на афоризм. В студенческие годы

специально купила для этого толстую тетрадь в кожаной обложке. Заполнила больше сотни страниц, на которых описала свое знакомство с Евгением Бережным и то, что другого мужа она себе и представить не может. А после свадьбы внесла в дневник лишь одно слово: «Свершилось!» — и убрала тетрадку, как ненужную вещь.

Позже, работая уже следователем, отыскивала дневник, перелистала и по старой памяти записала: «Вчера была в доме, где произошло убийство. Хозяина квартиры обнаружили повешенным на крюке для люстры. Почему-то все сразу решили, что он сам свел счеты с жизнью. Мертвое тело пугает, и смотреть на то, что еще совсем недавно было живым, неприятно. Особенно страшно оттого, что я была знакома с этим человеком — училась с ним в одной школе. Я была в восьмом, а он в десятом. Помню, как мы танцевали с ним на школьном вечере. Парень пытался казаться мне опытным и знающим то, что известно лишь взрослым мужчинам. Потом провожал меня домой, и мы целовались с ним на темной детской площадке. Потом попросил сделать то, на что я согласиться не могла. Мальчик обиделся и, перед тем как убежать, грубо оскорбил меня. Впрочем, я, кажется, уже писала об этом в своем дневнике (см. школьную тетрадь)».

Удивительно, но все эти тетрадочки у Веры сохранились — лежали в обувной коробке на антресолях. Однажды она решила показать их Бережному, но тот, начав читать, как раз школь-

ную, вдруг начал смеяться. После недолгой борьбы Вера отняла дневник, хотела его тут же уничтожить вместе с остальными, но то ли забыла это сделать, то ли передумала.

«Теперь мне кажется, — продолжала писать взрослая Вера, — что тот десятиклассник был девственником. А меня он выбрал для того, чтобы стать мужчиной, вероятно, потому, что почувствовал — я на него, как тогда говорилось, запала. Парень и в самом деле нравился мне. А сегодня я увидела его вынутым из петли, в домашних мятых брюках и несвежей майке, на которой были старые, не отстиранные пятна от кетчупа».

Следующую запись она сделала через пару дней:

«Эксперты определили, что это не было самоубийством. Интересно, кто же захотел лишить жизни затравленного жизнью неудачника, у которого полка телевизионной тумбы забита старыми видеокассетами с порнофильмами?»

День рождения отметили почти по-семейному. Пришли, как обычно, самые близкие друзья. А их, как в очередной раз выяснилось, у Веры всего двое — Илья с Инной. Только они были у нее и в прошлом году, и в позапрошлом. Ах нет, два года назад еще присутствовал Бережной, который неожиданно для всех напился и стал приставать к Илье, требуя от того призна-

ния в том, что Цигалов на первых курсах неровно дышал к Вере. Илья молчал, незлобно усмехался и отворачивался.

— Да ты не мужик вообще! — разозлился тогда Женька. — Амеба какая-то!

Илья, разумеется, и это пропустил мимо ушей. Инна тут же заставила мужиков мириться, причем Цигалов первым протянул руку. Бывшие однокурсники еще раз выпили, уже за мир, и начали беседовать о чем-то уже спокойно. А Инна затащила Веру на кухню.

— Женька, в сущности, прав, — начала она шептать в ухо Веры. — Меня и саму порой Илья достает своим пофигизмом. Его как будто ничего не интересует. Ни футбол, ни бабы, ни выпивка. Все вечера напролет сидит и готовится к своим арбитражным заседаниям, читает дела. А там жуткая скукотища! Как с таким жить?

Правда, Инна жила не только с Илей, и Вере это было известно.

— А в остальном у тебя как? — спросила она.

— Да все нормально, — ответила подруга, — жду повышения по службе.

У них не было тайн между собой, поэтому и Инна знала о существовании в жизни Веры Миклашевского. Особенными подробностями та, конечно, не делилась, сообщила только однажды, что переспала с начальником. Инна, услышав тогда эту новость, сделала круглые глаза, как будто не ожидала подобного от близкой подруги. И потом позвонила как-то:

— Только что в криминальных новостях брали интервью у начальника следственного управления по фамилии Миклашевский. Это не твой случайно?

Вера пораздумывала немного, стоит ли признаваться, но, раз уж проговорилась, чего уж теперь юлить, и подтвердила:

— Он самый.

— Ничего, симпатичный. Мужественный такой. А случайно не он вербовал на последнем курсе наших мужиков в ментовку, когда попала ты?

— Ну да, — сказала Вера.

— И как он?

Инна была очень любопытна. Только плохо умела хранить тайны.

В прошлом году, когда отмечали Верин день рождения, она при муже спросила:

— Слушай, а ты продолжаешь вести дневник?

Именинница сделала вид, что не понимает, о чем речь. Подруга начала удивляться ее забывчивости, и тогда Вере на помощь пришел Илья, предложив сходить в супермаркет и взять еще вина.

Из дома вышли втроем. Не спешили никуда, болтали. Очередь к кассе была небольшой, но тут Инна спохватилась, что через пять минут перестанут продавать спиртное, схватила бутылку и, распихивая всех, извиняясь, объясняя, что у нее сегодня день рождения, а работать приходится допоздна, ринулась вперед. Вера по-

шла следом. Вдруг какой-то человек схватил ее за локоть и, развернув к себе, выдохнул в лицо грязное ругательство. Нельзя сказать, что Вера не слышала подобных слов прежде, но незнакомец произнес их с такой злостью, что похолодела спина. Она видела совсем рядом полные ненависти глаза, и на мгновение ей показалось, что мужчина ее ударит. И почему он набросился именно на нее, а не на Инку? При этом ведь не походил на маргинала: не пьян, одет аккуратно. Вера отскочила в сторону, поспешила отойти подальше. Инна все слышала и видела. Но молча заплатила за вино и бросилась к выходу, где поджидал Илья.

— Ты должен отмолотить вон того гада как следует, — стала требовать она, — он только что грязными словами обругал Верку. Заведи подонка за угол и врежь ему как следует. А потом ногами, ногами...

Цигалова даже показала, как надо делать. Однако Илья взял жену под руку, кивнул Вере, чтобы следовала за ними, и пошел прочь.

Это случилось год назад. Теперь же Вера купила вина с запасом. Инна, тоже помня о прошлогоднем случае, принесла с собой бутылку мартини.

Особого веселья не получилось. Вера рассказала друзьям о своих неприятностях — что ее сняли с должности, перевели в участковые. Илья вздохнул сочувственно, а Инна возмутилась:

— Скоты какие! А этот твой Миклашевский хорош! Мог бы защитить тебя, ведь...

Вера толкнула Инну под столом ногой. Ей не хотелось, чтобы Илья знал подробности ее отношений с начальством. Цигалова «намек» поняла, покосилась на мужа, но все равно не могла остановиться:

— Заведи себе нормального мужика. Такого, чтоб быть за ним как за каменной стеной, чтобы ничего сама...

Но вдруг посмотрела на Илью и вздохнула:

— Только где такого найдешь?

Илья понял слова жены по-своему и разлил шампанское по бокалам. Инна наблюдала за его действиями так внимательно, словно тот собирался сделать что-то противозаконное. Потом взяла свой бокал и сказала:

— Наплюй на всех, подруга. А теперь тост.

Цигалова снова покосилась на мужа, а потом громко и с чувством продекламировала:

Какими были мы, такими и остались.
Любуясь красотой наших тел,
Пусть сохнут те, кому мы не достались,
Пусть сохнут те, кто нас не захотел!

Выпили молча. Веселее на душе у Веры не стало. Илья тоже произнес какой-то глупый тост — за того, кого Вера встретит в своей жизни, за того, кто ходит сейчас где-то, возможно, совсем неподалеку.